

УДК 347.44

Цифровизация контрактной системы в Российской Федерации как вызов для участников закупочных отношений и развитие электронной платформы

Колотовкина Ксения Олеговна, магистрант, Тихоокеанский государственный университет, kseniakhv@mail.ru

В статье исследуются правовые и институциональные изменения контрактной системы Российской Федерации в 2023–2025 гг. Цифровизация закупочных процедур характеризуется переходом от гибридной модели к сквозной электронной архитектуре с обязательным использованием Единой информационной системы. Рассматриваются ключевые законодательные новеллы, практика антимонопольных органов и арбитражных судов. Особое внимание уделяется трансформации роли заказчика, барьерам для субъектов малого и среднего предпринимательства, а также повышенной ответственности операторов инфраструктуры. Делается вывод о формировании новой конфигурации рисков и необходимости обеспечения баланса между эффективностью и устойчивостью в цифровой среде.

Ключевые слова: закупки, цифровизация закупок, контрактная система, национальный режим, заказчик, участники закупок, электронные платформы.

Цифровое преобразование контрактной системы в России в 2023–2025 гг. выступило не как простая корректировка документооборота, а как масштабная институциональная реформа всей модели функционирования государственных закупок. Отказ от дуалистической схемы, где одновременно применялись бумажные и электронные формы, ознаменовал переход к сквозной цифровой среде. В ней каждый этап — от публикации извещения до окончательной фиксации исполнения обязательств — теперь неразрывно связан с Единой информационной системой (ЕИС), а юридическая сила всех действий подтверждается усиленной электронной подписью. Таким образом, электронная форма перестала быть вспомогательным элементом и превратилась в ключевой юридический инструмент, формирующий новые границы ответственности и систему распределения рисков между заказчиком, поставщиком и оператором инфраструктуры.

Правовые основания данного перехода закреплены в Федеральном законе от 26 декабря 2024 г. N 484-ФЗ [1], которым внесены изменения в ч. 14 ст. 93 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. N 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [2], установившие обязательность заключения электронного контракта при осуществлении закупок у единственного поставщика. Исключения допускаются лишь в отношении специфических закупок, для которых установлен переходный период до 30 июня 2026 г. Кроме того, с 1 апреля 2025 г. любое изменение или расторжение контракта должно фиксироваться в ЕИС, а начиная с 1 июля 2026 г. реестр контрактов обязан содержать сведения обо всех договорах, за исключением сделок, содержащих государственную тайну [10]. Тем самым государство формирует полноценный цифровой контур, полностью вытесняющий бумажную форму.

Серьезные преобразования коснулись и национального режима. Федеральный закон от 8 августа 2024 г. N 318-ФЗ [3] внес поправки в ст. 14 Закона N 44-ФЗ и обеспечил единый подход для законов N 44-ФЗ и N 223-ФЗ [4]. В п. 4 ч. 12 ст. 48 Закона закреплено, что заявка, содержащая иностранный товар, подлежит отклонению при наличии хотя бы одного предложения с российской продукцией. Отмена ст. 30.1 Закона о «минимальной доле» отечественных товаров была компенсирована введением обязанности заказчиков ежегодно, не позднее 1 февраля, предоставлять в ЕИС отчетность о фактической доле закупок российских товаров. Дополнительно ч. 25 ст. 22 Закона N 44-ФЗ предписывает рассчитывать начальную цену исключительно на основе характеристик отече-

ственной продукции, а ч. 1.1 ст. 33 Закона N 44-ФЗ требует включать именно такие характеристики в описание объекта закупки. В результате национальный режим трансформируется в инструмент промышленной политики, стимулирующий заказчиков отдавать предпочтение российской продукции.

Судебная практика подтверждает, что цифровизация усиливает прозрачность процедур и не снижает материальных критериев их законности. В частности, Арбитражный суд Уральского округа в деле N А50-1364/2024 [5] отменил решение о включении победителя торгов в реестр недобросовестных поставщиков, указав, что отсутствие уведомления от площадки исключает вину участника. Суд подчеркнул, что заявитель проявил должную осмотрительность, предпринял необходимые действия (переписка с оператором, уведомление заказчика, предоставление обеспечения), а потому риски технических сбоев должны возлагаться на оператора, а не на участника.

Аналогичная логика прослеживается и в решениях арбитражных судов г. Москвы (дела N А40-137937/24-147-983 [6] и N А40-39868/24 [7]). В первом случае суд признал незаконным отказ в допуске, основанный на превышении лимита обязательств СРО, отметив, что контроль за ними входит в исключительную компетенцию саморегулируемой организации. Во втором случае незаконным признано требование подтвердить опыт в объеме 500 % от НМЦК, что прямо нарушает ч. 5 ст. 32 Закона N 44-ФЗ. Эти кейсы демонстрируют, что даже в условиях цифровой фиксации в ЕИС полномочия заказчика ограничены буквой закона.

ФАС также формирует важную практику. В решении от 9 сентября 2024 г. по делу N 24/44/99/163 [8] установлено, что объединение проектных и строительных работ по нескольким несвязанным объектам нарушает принципы конкуренции и противоречит ст. 33 Закона N 44-ФЗ. В цифровой среде подобные нарушения становятся еще более очевидными, т. к. условия закупки фиксируются в ЕИС в неизменяемом виде.

Отдельное направление практики связано с применением антидемпинговых мер. В ряде решений 2024 г. ФАС признала недопустимым распространение положений ст. 37 Закона N 44-ФЗ на процедуры запроса котировок. Антимонопольный орган подчеркнул, что антидемпинг применим только к конкурсам и аукционам, а расширительное толкование выходит за рамки закона. Таким образом, даже наличие в интерфейсе ЕИС специальных полей не меняет правовой природы процедуры.

Изменения коснулись и малых закупок. С 2026 г. легализация механизма дробления контрактов позволит заказчикам заключать

несколько договоров с единственным поставщиком в пределах установленных лимитов [15]. Однако это создает риск чрезмерной концентрации закупок у ограниченного числа исполнителей. В то же время на новых территориях действует особый порядок (Постановление Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2022 г. N 2559 [11]), допускающий бумажные формы и исключая применение национального режима. Такая гибкость облегчает адаптацию, но потенциально ослабляет фундаментальные принципы открытости и конкуренции.

Научная дискуссия подтверждает неоднозначность восприятия цифровизации. Так, Е. В. Боровик обращает внимание на зависимость от операторов и угрозу утечек данных [19], подрывающую доверие к системе. С. А. Коноваленко фиксирует повторные аккредитации и сбои в синхронизации ЕИС с электронными торговыми площадками, предлагая использовать блокчейн и интеллектуальные алгоритмы мониторинга [21]. И. Е. Калабихина отмечает значительное сокращение сроков закупок и снижение транзакционных издержек, но указывает на цифровые барьеры для малого бизнеса [21]. К. И. Федченко подчеркивает, что цифровизация не устраняет рисков, но делает их управляемыми и фиксируемыми, открывая новые перспективы для модернизации финансового права [22].

Таким образом, позиции правоведов варьируются от скептических до оптимистических, однако общая тенденция очевидна. Цифровизация усиливает прозрачность и эффективность контрактной системы, одновременно обостряя вопросы технологической устойчивости и доступности. В конечном счете дальнейшее развитие зависит от того, насколько органично цифровые инструменты будут встроены в правовую ткань системы закупок с сохранением базовых принципов открытости, конкуренции и справедливости.

Цифровая модернизация контрактной системы Российской Федерации в 2025 г. наглядно показала, что главный акцент реформ сместился не столько на технологическую инфраструктуру, сколько на перераспределение полномочий между основными субъектами закупочной деятельности [16]. Если до указанного периода заказчик выступал преимущественно в роли организатора процедуры: размещал извещения, готовил конкурсную документацию и подводил итоги, то после внедрения цифрового контракта его статус принципиально изменился. Он превратился в «архитектора юридического факта», в рамках которого любое значение, внесенное в структурированное поле ЕИС, приобретает характер обязательного договорного условия. Соответственно, даже минимальная неточность в интерфейсе цифровой системы воспринимается как правонарушение. Это означает, что ответственность заказчика теперь распространяется не только на содержательную часть документации, но и на ее корректное цифровое отображение.

Позиция ФАС в 2025 г. подтверждает данный подход [13]. Так, ошибка при указании страны происхождения товара рассматривается не как формальная неточность, а как прямое основание для отказа в допуске. Таким образом, закрепился новый стандарт: если заказчик допускает такую заявку, он нарушает закон, даже несмотря на то, что технически система приняла документы.

Существенные последствия реформы затронули и участников закупок. Обязательная аккредитация в ЕИС и необходимость наличия усиленной электронной подписи превратили цифровые навыки в безусловное условие доступа к рынку. В 2025 г. около 22 % субъектов малого и среднего предпринимательства фактически оказались лишены возможности участвовать в торгах именно из-за отсутствия необходимых компетенций [14]. Для малого бизнеса цифровизация стала серьезным ограничителем конкуренции, тогда как крупные компании сумели быстрее адаптироваться к изменениям.

Судебная практика фиксировала жалобы таких участников, но в большинстве случаев суды указывали, что закрепленная в законе электронная форма не допускает исключений, а значит, отсутствие технической готовности не освобождает от исполнения требований. Итогом стало углубление структурного неравенства, когда малые компании были вынуждены либо инвестировать в цифровизацию, либо покинуть рынок.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о росте ответственности операторов цифровой инфраструктуры. Показательным является дело N А50-1364/2024, где суд признал, что технические сбои площадки не могут возлагаться на участника [5]. Данный подход фактически приравнял операторов ЭТП и ЕИС к субъектам публичного права, обязав их обеспечивать стабильное и бесперебойное функционирование системы.

Важным элементом нормативного регулирования остаются антикризисные меры, действие которых продлено до конца 2025 г. Они допустили совмещение проектирования и строительства, включение поставки оборудования в предмет контракта и корректировку условий при непредвиденных обстоятельствах. Однако эти послабления не отменяют обязанность заказчиков соблюдать принцип конкуренции. ФАС в своей практике последовательно отмечает: объединение в один лот несвязанных работ, например реконструкции подстанции и строительства водопровода, трактуется как ограничение конкуренции. Аргумент строится на положениях ст. 33 Закона N 44-ФЗ, предписывающих обязательное наличие технологической взаимосвязи объекта закупки. При ее отсутствии действия заказчика признаются незаконными, даже если он ссылается на антикризисные исключения.

Не менее значимыми являются ситуации, связанные с представлением недостоверных сведений. В обзоре ФАС за июнь 2025 г. приведен пример, когда участник представил подтверждение происхождения товара из неверного реестра [17]. Контролирующий орган признал заявку несоответствующей, а действия заказчика, допустившего ее, квалифицировал как нарушение закона. Вывод очевиден: ошибка при подтверждении происхождения приравнивается к его отсутствию и влечет обязанность отклонить заявку. Таким образом, цифровая форма установила новый стандарт: даже формальные ошибки приобретают юридическую значимость и порождают правовые последствия.

Научная дискуссия по проблеме цифровизации государственных закупок выявляет широкий спектр подходов. С. А. Коноваленко отмечает, что внедрение цифровых технологий позволило сократить сроки процедур на 30–40 %, снизить транзакционные издержки и расширить круг участников, хотя при этом усилило барьеры для МСП. К. И. Федченко рассматривает цифровизацию как основу реформирования публичных финансов, поскольку цифровые инструменты позволяют точнее фиксировать риски и перераспределять ответственность. Е. В. Боровик указывает на угрозу институциональной стабильности, а М. А. Беленкова обращает внимание на технические сбои и предлагает механизмы их преодоления. В итоге складывается трехзвенная система научных позиций: критика угроз, фиксация выгод и поиск институционального компромисса.

Таким образом, цифровая трансформация контрактной системы предстала не как частное технологическое обновление, а как фундаментальная институциональная перестройка. Заказчик стал конструктором юридических фактов, участники — носителями новых обязанностей по цифровой компетенции, а операторы инфраструктуры — субъектами публичной ответственности. Нормативные изменения закрепили приоритет отечественных товаров и обязательность электронного документооборота, судебная практика

перераспределила риски между сторонами, а научные исследования зафиксировали противоречие между устойчивостью и эффективностью. В дальнейшем интеграция технологий искусственного

интеллекта, блокчейна и смарт-контрактов станет следующим вызовом, а ключевой задачей права будет сохранение справедливости и баланса интересов в условиях стремительной цифровизации.

Примечания

1. Федеральный закон от 26.12.2024 N 484-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» и статьи 5 и 8 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // *Собрание законодательства РФ*. 2024. N 53 (ч. I). Ст. 8494.
2. Федеральный закон от 05.04.2013 N 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // *Собрание законодательства РФ*. 2013. N 14. Ст. 1652.
3. Федеральный закон от 08.08.2024 N 318-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // *Собрание законодательства РФ*. 2024. N 33 (ч. II). Ст. 5014.
4. Федеральный закон от 18.07.2011 N 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» // *Собрание законодательства РФ*. 2011. N 30 (ч. I). Ст. 4571.
5. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 14.11.2024 N Ф09-6609/24 по делу N А50-1364/2024. URL: <https://storage.consultant.ru> (дата обращения: 01.09.2025).
6. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 12.09.2024 по делу N А40-137937/24-147-983. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/e68a92f0-9206-4a65-a203-9cc3d82de57e/85cc45d4-5a62-499c-bfb2-45d10af9e317/A40-137937-2024_20240912_Reshenija_i_postanovlenija.pdf (дата обращения: 01.09.2025).
7. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 10.06.2024 по делу N А40-39868/24-21-293. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/0ce56355-3c2d-47ae-9509-1b56a5eb3b05/12af7010-f520-46c3-87e1-62aba330b507/A40-39868-2024_20240610_Reshenija_i_postanovlenija.pdf (дата обращения: 01.09.2025).
8. URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/unscheduledinspection/card/documents.html?reestrNumber=202400100161008722> (дата обращения: 01.09.2025).
9. URL: <https://www.consultant.ru/legalnews/27294/> (дата обращения: 01.09.2025).
10. URL: <https://www.consultant.ru/legalnews/27390/> (дата обращения: 01.09.2025).
11. Постановление Правительства РФ от 31.12.2022 N 2559 «О мерах по обеспечению режима военного положения и об особенностях планирования и осуществления закупок для обеспечения государственных нужд Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области и муниципальных нужд муниципальных образований, находящихся на их территориях, и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // *Собрание законодательства РФ*. 2023. N 4. Ст. 635.
12. URL: <https://kadis.org/images/reviews/oizvnt-11112025.pdf> (дата обращения: 01.09.2025).
13. URL: <https://forum-goszakaz.ru/news/2025/04/23/forum-goszakaz-2025-budushhee-kontraktnoj-sistemy-cifrovizacziya-reformy-i-podderzhka-biznesa/> (дата обращения: 01.09.2025).
14. URL: <https://minfin.gov.ru> (дата обращения: 01.09.2025).
15. URL: <https://www.garant.ru/news/1705481/> (дата обращения: 01.09.2025).
16. URL: <https://kadis.org/images/reviews/oizvnt-11112025.pdf> (дата обращения: 01.09.2025).
17. URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=CJI&n=159573&dst=0&demo=1> (дата обращения: 01.09.2025).
18. Беленкова М. А. Цифровизация закупок: современные тенденции и проблемы // *Вестник науки*. 2025. Т. 2. N 1.
19. Боровик Е. В. Механизм финансово-правового регулирования государственных закупок в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2025.
20. Грищук А. А. Цифровые технологии в управлении государственными закупками // *Актуальные исследования*. 2025. N 29.
21. Коноваленко С. А. Особенности организации учета приемки товаров (работ, услуг) в сфере государственных закупок // *Актуальные проблемы социально-экономической статистики и цифровизации экономических расчетов: сборник научных статей*. Нижний Новгород, 2023.
22. Федченко К. И. Цифровизация как основная тенденция совершенствования финансово-правового регулирования контрактной системы закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных нужд // *Юридическая наука*. 2022. N 9.

English version

Digitalization of the contract system in the Russian Federation as a challenge for procurement participants and the development of electronic platforms

Kolotovkina Ksenia Olegovna, master's student, Pacific State University

This article examines the legal and institutional changes in the contract system of the Russian Federation in 2023–2025. The digitalization of procurement procedures is characterized by a transition from a hybrid model to an end-to-end electronic architecture with the mandatory use of the Unified Information System. The study analyzes key legislative innovations, as well as the practice of antimonopoly authorities and commercial (arbitration) courts. Special attention is paid to the transformation of the role of the contracting authority, barriers faced by small and medium-sized enterprises, and the increased liability of infrastructure platform operators. The article concludes that a new configuration of risks is emerging and that it is necessary to ensure a balance between efficiency and resilience in the digital environment.

Keywords: procurement, digitalization of procurement, contract system, national regime, contracting authority, procurement participants, electronic platforms.